

ИТОГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

***Русаков Василий Матвеевич,**
профессор, доктор философских наук,
профессор кафедры политических наук
Уральского гуманитарного института
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург*

***Русакова Ольга Фредовна,**
профессор, доктор политических наук,
заведующая отделом философии
Института философии и права Уральского отделения
Российской академии наук,
Екатеринбург*

Сегодня в целом ряде стран Восточной Европы главной государственной стратегией политики национальной памяти является переосмысление итогов Второй мировой войны с позиции возложения ответственности на СССР и Российскую Федерацию как его преемницу за развязывание и преступления данной войны. Восточно-европейские официальные конструкторы политики национальной памяти активно применяют теорию тоталитаризма для дискредитации победы советского народа во Второй мировой войне. Ключевая роль в деле создания негативного образа борьбы СССР с нацизмом на территории стран Восточной Европы принадлежит институтам, входящим в состав инфраструктуры политики национальной памяти. *Объектам* настоящего исследования выступают разнообразные государственные и общественные организации и учреждений, средства массовой информации, объединенные задачей конструирования новейших направлений политики национальной памяти в странах Восточной Европы. Необходимыми элементами данной инфраструктуры являются:

законодательные и подзаконные акты, призванные легитимировать проводимую государством политику национальной памяти; кадры специалистов и исполнителей; разнообразные акции и продукты переозначивания знаково-символического пространства данной политики. *Предметом* исследования является деятельность данной инфраструктуры по конструированию и внедрению в жизнь новой политики национальной памяти, выявление ее теоретико-методологических основ и технологий практической реализации, включая технологии постправды и постистории, связанные с деятельностью по производству альтернативных исторических фактов и фейк-новостей.

Ключевые слова: политика национальной памяти; Вторая мировая война; инфраструктура политики памяти

RESULTS OF THE SECOND WORLD WAR IN THE CONTEXT OF STUDYING THE INFRASTRUCTURE OF NATIONAL MEMORY POLICY IN EASTERN EUROPE

Vasily Matveyevich Rusakov,
Professor, doctor of philosophy,
Professor of the Department of political science
Ural Institute for the Humanities
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg

Olga Fredovna Rusakova,
Professor, doctor of political science,
head of the Department of philosophy
Institute of philosophy and law of the Ural branch
Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg

Today, in a number of Eastern European countries, the main state strategy of the national memory policy is to rethink the results of the Second world war from the position of placing responsibility on the USSR and the Russian Federation as its successor for the outbreak and crimes of this war. Eastern European official constructors of the

national memory policy actively apply the theory of totalitarianism to discredit the victory of the Soviet people in world war II. The key role in creating a negative image of the USSR's struggle against Nazism on the territory of Eastern European countries belongs to the institutions that are part of the infrastructure of national memory policy. The object of this research is a variety of state and public organizations and institutions, as well as mass media, United by the task of constructing the latest directions of national memory policy in the countries of Eastern Europe. The necessary elements of this infrastructure are: legislative and bylaws designed to legitimize the state's policy of national memory; personnel of specialists and performers; various actions and products of re-designating the symbolic space of this policy. The subject of the research is the activity of this infrastructure in designing and implementing a new policy of national memory, identifying its theoretical and methodological foundations and technologies for practical implementation, including post-truth and post-history technologies related to the production of alternative historical facts and fake news.

Key words: national memory policy; world war II; infrastructure of memory policy

На примере «Резолюции Европейского парламента от 19 сентября 2019 года о важности европейской памяти для будущего Европы» [4] хорошо просматриваются практически все основные элементы созданной инфраструктуры «национальной политики памяти»:

а) правовые акты (резолуция ЕП от 12 мая 2005 года о 60-й годовщине окончания Второй мировой войны в Европе 8 мая 1945 года; резолюция 1481 Парламентской ассамблеи Совета Европы от 26 января 2006 года о необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов; Пражская декларация о европейском сознании и коммунизме, принятую 3 июня 2008 года; резолюция ЕП от 2 апреля 2009 года о европейском сознании и тоталитаризме, доклад комиссии от 22 декабря 2010 года о памяти преступлений, совершенных тоталитарными режимами в Европе (COM (2010)0783), резолюции и декларации о преступлениях тоталитарных коммунистических режимов, принятые рядом национальных парламентов;

б) кадры специалистов (таких, как упомянутые первый вице-президент Тиммерманс и комиссар Журова). ЕП «поручает своему председателю направить настоящую резолюцию Совету, Комиссии, правительствам и парламентам государств-членов, российской Думе и парламентам стран Восточного партнерства». Добавим сюда судейские кадры, которые в соответствии с рамочным решением 2008/913/ЈНА совета от 28 ноября 2008 года «О борьбе с определенными формами и проявлениями расизма и ксенофобии» осуществляют свою политику «с помощью уголовного права»;

в) акции и продукты переозначивания знаково-символического пространства исторической памяти, связанной со Второй мировой войной (провозглашение 23 сентября 2008 года даты 23 августа как Европейского дня памяти жертв тоталитарных режимов как на уровне ЕС, так и на национальном уровне, стремление повышать осведомленность молодого поколения об этих вопросах путем включения в учебные программы и учебники всех школ ЕС и т.д.);

г) материально-финансовое обеспечение (выделять достаточные финансовые ресурсы в рамках программы «Европа для граждан» для поддержки мероприятий по увековечиванию памяти и памяти жертв тоталитаризма, как это предусмотрено в позиции парламента по программе прав и ценностей на период 2021-2027 годов).

Очевидно, крайне наивными выглядят представления о том, что политика «национальной памяти», осуществляемая якобы во имя «возвращения к исторической правде», наоборот – это не момент идейно-теоретических споров, а полноформатная реализация *политики* на основе современной концепции Soft Power, преследующей цель решительного ослабления России как конкурента и последующего полного подчинения, а в перспективе – ее расчленения и уничтожения [1, с.240]. Многочисленное еврочиновничество и политические деятели цинично опустили до грубой лжи и ежедневной гротескной клеветы на Россию в духе пресловутой практики «Hailey likely».

Необходимо отдавать отчет в том, что псевдонаучные теории и пропагандистские акции под лозунгами «европейской культуры исторической памяти» – *не имеют ничего общего с научным*

познанием и восстановлением исторической истины. Напускное наукообразие - мимикрия под инструментарий научного исторического исследования - необходимы для политики исторической памяти только для того, чтобы достаточно надежно скрыть от массового сознания (на которое она, собственно, и рассчитана) ее идейно-политическое ядро. В политике «исторической памяти» безраздельно господствует именно *политика*, связанная с защитой вполне *корыстных интересов определенных социальных групп*. Эти социальные группы представлены современными *неолиберальными политическими режимами*, заинтересованными в обосновании своего безраздельного политического и экономического господства. Политика исторической памяти является орудием предъявления и обоснования целого комплекса идеологических, политических, экономических и территориальных претензий прежде всего к Российской Федерации как правопреемнице СССР (признать ответственность за развязывание Второй мировой войны, компенсировать экономический ущерб за «оккупации», вернуть «утраченные» территории, перед всем миром покаяться за «преступления сталинизма» (и в перспективе – прекратить существование в качестве суверенного государства).

Через все указанные одиозные документы и резолюции отчетлив просвечивает желание во что бы то ни стало вытравить из подлинной памяти народов роль Мюнхенскогоговора 1938 г., вся суть которого состояла не столько в «умиротворении агрессора», сколько в том, чтобы направить его агрессивные устремления на Восток, против СССР [2;7]. Европейские страны (державы и их сателлиты) сделали все, чтобы *сорвать создание системы коллективной безопасности* в Европе, предложенной СССР (что лишь в 70-е гг. XX в. удалось осуществить с подписанием Хельсинкского акта (1970) и что сегодня снова планомерно и последовательно разрушается с крайним авантюризмом. Своими резолюциями ЕП стремится вычеркнуть из коллективной памяти народов позорные страницы их коллаборационизма с нацизмом и фашизмом, соучастие в Холокосте. Не советские и российские политики и историки, а У. Черчилль называл предвоенную Польшу «гиеной Европы». Неолиберализм не любит вспоминать свое восторженное отношение к фашизму и нацизму. Идея объединения либерализма и фашизма, их общности давно известна.

И выдвинута она не критиками, а сторонниками *либеральной идеологии*. 1932 год, время прихода НСДАП к власти в Германии. Находившийся под впечатлением фашистского проекта Герберт Уэллс призывает: «Прогрессивисты должны стать либеральными фашистами и просвещенными нацистами». Уэллсовский идеал этого времени – «Тоталитарное государство под управлением могущественной группы благожелательных экспертов-либералов». Идеолог неолиберализма Людвиг фон Мизес вполне откровенно писал: «Нельзя отрицать, что фашизм и близкие ему движения, стремящиеся к установлению диктатуры, преисполнены лучших намерений и что их вмешательство в данный момент спасло европейскую цивилизацию. Эта заслуга фашизма останется в истории навечно» [3].

Инфраструктуре политики исторической памяти всемерно придаются разнообразные признаки «респектабельности», «солидности», «научности» и т.п. Однако постоянное скатывание к примитивной пропаганде, антисоветизму и русофобии – особенно при организации «музеев» и «экспозиций», проведении юбилеев и других акций, – выдают ее истинное предназначение в качестве *орудия если не межнациональной ненависти, то, как минимум, национальной ограниченности* (стоит только обозреть гротескные варианты «национальной истории», предлагаемые ныне в школьных курсах в странах на постсоветском пространстве).

Более того, эта политика выполняет крайне опасную роль провокатора и подстрекателя различного политического экстремизма, подрыва и слома системы международной безопасности и мирового правопорядка, разжигает ненависть между народами, сеет шовинизм и расизм. Так называемая «приватизация» национальной исторической памяти несет миру угрозу *обострения межнациональных противоречий*. Настоящий людоедский характер демонстрирует миру защита спасенных коллективным Западом нацистских преступников, коллаборационистов, проповедующих зоологическую ненависть и презрение к другим народам.

Инфраструктура политики памяти снова навязывает (прежде всего – европейцам) некое якобы существующее единство *«всех цивилизованных стран»*. В чем оно проявлялось, например, в Бельгийском Конго в начале XX в., или в разрушении государственности в Ливии, Ираке, Сирии, Судане, Сомали и других странах сегодня – авторы подобных резолюций не любят вспоми-

нать. Коллективный Запад несет коллективную (и персональную – как, например, госсекретари США К. Пауэлл и Х. Клинтон) ответственность за уничтожение фундаментальных условий существования миллионов жителей стран Африки и Азии, что является первопричиной колоссального современного миграционного кризиса в Европе [5;6]. Вопреки резолюциям ООН, еврочиновники сознательно смешивают беженцев и трудовых мигрантов, потворствуют нелегальной миграции и пытаются переложить бремя порочной социальной политики на восточноевропейские страны. Политика национальной памяти обосновывает втягивание восточноевропейских стран в агрессивный блок НАТО (развязавший войну в центре Европы), в разваливающийся Евросоюз – как их подлинное демократическое возрождение (умалчивая о том, что это связано с утратой суверенитета, деиндустриализацией и депопуляцией этих стран).

Список литературы

1. Бжезинский, З. (1999). *Великая шахматная доска*. М.: Международные отношения.
2. Историография «Мюнхенского сговора» 1938 года. Взято с <https://historyrussia.org/proekty/80-letie-myunkhenskogo-soglashe-nie-1938-goda/istoriografiya-myunkhenskogo-sgovora-1938-goda.html>
3. Мизес Л. (2007). *Либерализм*. Челябинск: Социум. Взято с <http://iknigi.net/avtor-lyudvig-mizes/56433-liberalizm-lyudvig-mizes/read/page-5.html>
4. Резолюции Европейского парламента от 19 сентября 2019 года о важности европейской памяти для будущего Европы. Взято с https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html
5. Русаков В., Русакова О. No-Go-Zone и проблемы суверенитета западноевропейских государств. Взято с <http://svom.info/entry/973-no-go-zone-i-problemy-suvereniteta-zapadnoevropejs/>
6. Русаков В. М, Русакова О. Ф. (2018). «Запретные зоны» в Западной Европе - миф или реальность: уроки актуальной социальной политики. *«Современная наука и инновации»*, 4(24), 258-268
7. Accord conclu à Munich, le 29 septembre 1938, entre l'Allemagne, le Royaume-Uni, la France et l'Italie (2015). Retritved from: https://reseauinternational.net/accords-de-munich-le-dessous-des-cartes/#7ZKZqUgfUVuIofJC.99_